

А. Г. Марочкин

Институт экологии человека ФИЦ УУХ СО РАН
Кемерово, Россия
E-mail: comcon@yandex.ru

Фотосвидетельства раскопок Кузнецкого неолитического могильника

В статье рассматриваются результаты анализа шести фотографий раскопок Кузнецкого неолитического могильника в 1940 г., обнаруженных в музейных фондах Новокузнецкого краеведческого музея. Цель исследования – выявление специфики погребальных ингумаций Кузнецкого неолитического могильника на основе вновь полученных фотографических источников. Установлено, что фотофиксация подтверждает общие признаки захоронений на данном погребальном памятнике: положение вытянуто на спине, кисти на тазу, стянутые голени и северо-восточная ориентировка костяков, расположенных в ряд на одинаковой глубине. Выявлена существенная ошибка в приведенном Н. А. Чернышевым графическом плане погребения IV: останки двух человек залежали не рядом на одном уровне, а образовывали два яруса с земляной прослойкой между костяками. Аргументирована гипотеза, что комплекс формировался поэтапно, с повторной выкопкой ямы и последующим подхоронением еще одного индивида. Сделано предположение, что некоторые парные погребения на неолитических могильниках Верхнего Приобья также были многоэтапными, с размещением в одном пространстве индивидов, умерших с временным интервалом. Предложена интерпретация такой практики (по аналогии с ярусными групповыми склепами позднего неолита Барабы), как обрядового отражения схожих принципов социальной организации поздненеолитического населения юга Западной Сибири – выделения малых (семейных?) групп в рамках родового коллектива.

Ключевые слова: *фотографические источники, Кузнецкий неолитический могильник, ярусные погребения, парные погребения, контекстуальный анализ, социокультурная интерпретация, неолит, Кузнецкая котловина, Верхнее Приобье.*

A. G. Marochkin

The Institute for Human Ecology
of the Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry SB RAS
Kemerovo, Russia
E-mail: comcon@yandex.ru

Photographic Evidence from Kuznetsk Neolithic Cemetery

The article presents the results of the study of six photographs from Kuznetsk Neolithic cemetery in 1940 deposited in Novokuznetsk Local History Museum. The authors attempted to define the specifics of inhumations in Kuznetsk Neolithic cemetery based on the available photographic sources. It has been shown that photographic evidence proved the common attributes of burials at this burial site: supine position of the deceased, hands on the pelvis, tied lower legs and north-eastern orientation of the skeletons positioned in a row at the same depth. A significant discrepancy has been noted in the graphic representation of the burial IV made by N. A. Chernyshev: the remains of two persons were placed in two layers with a soil layer between the skeletons rather than next to each other at the same level. The hypothesis has been put forward that the grave was reused several times involving the reopening of the grave and the subsequent secondary burial of another individual. It has been assumed that some double burials in Neolithic cemeteries of the Upper Ob region were made in several steps with individuals dying in the same area at different time. This practice is interpreted (by analogy with the tiered collective crypts of the Late Neolithic Baraba region) as a ritual reflection of similar principles of social organization in the Late Neolithic population of the southern region of Western Siberia through establishing small (family?) groups in a clan group.

Keywords: *photographic evidence, Kuznetsk Neolithic cemetery, tiered burials, double burials, contextual analysis, sociocultural interpretation, Neolithic, Kuznetsk Basin, Upper Ob region.*

Введение

Кузнецкий неолитический могильник — один из ключевых источников по изучению неолита юга Западной Сибири. Памятник обнаружен в 1939 г. в черте г. Сталинска (совр. г. Новокузнецк), при взрывных работах, частично разрушивших отдельные захоронения. Раскопки могильника проведены в 1939 г. (руководитель — томский археолог Н. А. Чернышев) и в 1940-х гг. (руководитель — геолог А. П. Дубок при участии сотрудников Сталинского музея М. А. Панькова, Р. И. Карель, Ф. М. Пономарева) (обзор см.: [Розов, 1956, с. 194]). Летом — осенью 1940 г. место могильника повторно осмотрено Н. А. Чернышевым (Архив ИИМК РАН. Ф. 35. 1940. Д. 178). Антропологический материал могильника проанализирован в 1953 г. Н. С. Розовым, отметившим депаспортизацию всех сохранившихся на тот момент, преимущественно мужских останков [1956]. По костному материалу одного из погребений получена радиоуглеродная дата СОАН-5608 3715 ± 140 [Кунгурова, 2005, табл. 4], калиброванный возраст которой определен диапазоном 4 841–4 221 BC (95,4 %).

Материалы раскопок 1939–1940-х гг. обобщены и опубликованы Н. А. Чернышевым спустя 15 лет [1953]*. В указанной работе представлены ситуационный план памятника [Там же, рис. 1], план расположения погребений на могильнике [Там же, рис. 2], рисованные индивидуальные планы погребений II, IV, V [Там же, рис. 5, 10, 11], многочисленные и детальные рисунки отдельных с археологических предметов с разбивкой по погребениям. Текст содержит подробное описание артефактов, но описания собственно погребений отсутствуют. В очень плохом качестве опубликована групповая фотография раскопок 1940 г. на фоне расчищенных костяков [Там же, рис. 3].

Кроме рассматриваемой работы, имеются сведения о датированной также 1953 г., но не изданной рукописи А. П. Дубка «Стратиграфическое положение археологических находок г. районе г. Сталинска», известной лишь по выборочному цитированию в статье антрополога Н. С. Розова [1956].

Специфика имеющихся публикаций и отчетных материалов заключается в том, что основное внимание уделено описанию предметов сопроводительного инвентаря, в то время как о характеристиках погребального сооружения и способах обращения

с останками можно судить только по условным рисункам погребений II, IV, V [Чернышев, 1953, рис. 5, 10, 11].

Письма июня 1940 г. от ИИМК АН СССР в адрес Томского и Сталинского краеведческих музеев подчеркивают значимость обнаруженного памятника, необходимость его сохранения и изучения, с соблюдением научной методики и правил предоставления отчетной документации. Отчет 1940 г., переданный Н. А. Чернышевым в ИИМК, содержит указание на самовольный характер раскопок, проведенных на могильнике в мае того года сотрудниками музея г. Сталинск. Он пишет: «Раскопки, ...произведены ...без дневников, чертежей и т.д. Имеется ... несколько фотографий, но их недостаточно» [НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1940 г. Д. 178, Л. 4]**.

Упоминая сделанные во время музейных раскопок фотографии, Н. А. Чернышев не включает их в свой отчет 1940 г., но публикует одну из них в статье 1953 г. Позже Н. С. Розов обращением к имеющимся фото аргументирует хорошую сохранность черепов после расчистки, указывая: «Некоторые лицевые кости, как и негативы фотографий, были в ноябре 1953 г. вторично обнаружены при «раскопках» фондов Сталинского музея» [1956, с. 194]. Одну из фотографий он публикует без указания номера погребения [Там же, фото 3].

В 2021 г. сотрудником Новокузнецкого краеведческого музея Р. А. Мартюшовым были вновь обнаружены шесть фотонегативов с раскопок 1940 г. (КП-499), при сканировании переведенных в позитивы. Четыре из них ранее не публиковались, два публиковались в плохом качестве [Чернышев, 1953, рис. 3; Розов, 1956, фото 3]. Анализ всей серии позволяет подойти опубликованным материалам Кузнецкого могильника с позиции критики источника.

Цель исследования — выявление специфики погребальных ингумаций Кузнецкого неолитического могильника на основе вновь обнаруженных и вводимых в научный оборот фотографических изображений 1940 г., с акцентом на изучение парного захоронения IV (согласно нумерации Н. А. Чернышева).

Полученные электронные копии фотографий *технически обработаны* в программной среде Adobe Photoshop CC 2017 (незначительная обрезка краевых дефектов, усиление яркости, резкости и контрастности изображений). Для каждого фото создана *описательная характеристика* изображенного. Проведенный *анализ археологического контекста* включал сопоставление фотографических изображений текстовыми описаниями и рисунками ранних публикаций, дневников и отчетов, выявление ранее

* Архивные находки последних лет показали, что этой работой Н. А. Чернышев лишь частично реализовал свои намерения по публикации археологических материалов экспедиций работ 1938–40 гг. в Томском Приобье и Кузнецкой котловине. Другие рукописи обобщающих работ, в частности по материалам неолитической стоянки в Чердашном логу (низовья р. Томи) и Томской писаницы, по неизвестным причинам остались не изданными.

** Если эти сведения верны, то возникает вопрос о происхождении рисованных планов погребений, вошедших в публикацию 1953 г. Возможно, они сделаны Н.А. Чернышевым уже после раскопок, по фотографиям.

неизвестных данных о процессе раскопок, о планиграфической и стратиграфической специфике исследуемого объекта. На основании полученных результатов произведен *сравнительный анализ* отдельных элементов погребальной практики Кузнецкого могильника и широкого круга неолитических захоронений Верхнего Приобья и прилегающих территорий юга Западной Сибири.

Материалы

Всего Р. А. Мартюшовым переданы электронные копии шести фотографий, условно пронумерованные 1–6. Номера фотоснимков по книге поступлений не указаны, только номер всей коллекции (КП-499). Пять фотографий из переданных нам (фото 1–5) вне-

сены в Государственный каталог в составе фотографической коллекции Новокузнецкого краеведческого музея.

Все фотографии из полученной серии черно-белые, прямоугольной формы (горизонтальный формат снимка), левый край одинаково засвечен (следствие технической неисправности фотоаппарата). Все снимки сделаны в 1940 г. при раскопках Кузнецкого могильника. Масштабная рейка отсутствует. Автор достоверно неизвестен, за исключением снимка 6 (Ф. М. Пономарев). Ранее в плохом качестве опубликованы снимки 1 и 6.

Фото 1 (рис. 1, 1) позволяет в относительно хорошем качестве рассмотреть детали ранее опубликованного изображения [Чернышев, 1953, рис. 3]. Снимок, произведенный с запада, запечатлел четырех взрослых

мужчин в гражданской одежде, в головных уборах – кепках (кроме одного), смотрящих в кадр с сосредоточенным выражением лиц, с инструментами для расчистки в руках (малярные кисточки, ножи), и, по-видимому, специально позирующих фотографу. Один человек (с непокрытой головой) сидит на корточках, остальные стоят. Можно идентифицировать на снимке А. П. Дубка (второй справа), остальные остаются неизвестными. На заднем плане виднеется размытый силуэт еще одного взрослого человека, смотрящего в кадр. За спинами основной группы людей виднеется стоящий на земле ящик со свернутой тканью или мешком внутри.

На переднем плане видны два горизонтально лежащих на земляных подиумах человеческих скелета. Костяки расположены параллельно (головой на северо-восток согласно тексту отчета 1940 г.), на небольшом расстоянии друг от друга, головой почти вплотную к борту обрыва высотой ниже человеческого роста.

Поза погребенных одинакова – вытянуто на спине, с руками вдоль тела, с помещением кистей на таз (соответствует описанию А. П. Дубка, процитированному Н. С. Розовым), со «стянутыми» в голених ногами. Фото подтверждает сохранность анатомического порядка, при смещении мелких костей ног (на фото у обоих костяков отсутствуют стопы).

1

2

Рис. 1. Раскопки Кузнецкого неолитического могильника. Фото 1 (1) и 2 (2). Фотографии 1940 г.

Справа на груди ближнего к фотографу костяка виден фрагмент каменного лавролистного бифаса, что идентифицирует комплекс V [Там же, рис. 2]. Следовательно, дальний от фотографа костяк (у которого и позируют участники раскопок) принадлежит одному из погребенных в парном захоронении IV. Второй скелет из этого погребения, по всей видимости, к моменту съемки уже был снят.

На **фото 2** (рис. 1, 2), сделанном сбоку, с востока, отображены три человеческих скелета, лежащих горизонтально на невысоких земляных подиумах, в вытянутом положении на спине, с сохраненным анатомическим порядком черепов и длинных костей. Это другой ракурс погребений, видимых на фото 1. Ближе к фотографу находится парное погребение IV, а на заднем плане запечатлен скелет из погребения V. Это фото хронологически раньше первого – запечатлены оба скелета в парном захоронении IV. Виден важный нюанс – в парном погребении один костяк лежит выше другого.

На заднем фоне – борт обрыва без признаков стратиграфической зачистки. Из снимка следует, что костяки залегали в толще светлых отложений, подстилающих современные темные почвы (это подтверждает констатацию А. П. Дубка, что погребения залегали на глубине ок. 1,5 м в лессовидных суглинках [Розов, 1956, с. 195].

Фото 3 (рис. 2, 1) с запада, и **фото 4** (рис. 2, 2) с востока отображают верхнюю часть двух скелетов из парного захоронения IV (от головы до середины бедренной кости). Кроме черепов и длинных костей видны сохранившиеся ребра, а также кисть правой руки верхнего скелета, уложенная на таз.

Отчетливо видно, что скелетированные останки лежат не рядом, а в вертикальной последовательности, образуя два яруса. Расстояние между костяками неодинаковое – они почти смыкаются у головы, в то время как в области груди и таза пространство между ними достигает приблизительно 15–20 см и заполнено землей.

В области живота верхнего костяка видны костяной наконечник остроги и каменный клинок-бифас. Вдоль левой руки верхнего костяка идет ряд подвесок из зубов животных (фото 4). Положение всех артефак-

1

2

Рис. 2. Раскопки Кузнецкого неолитического могильника. Фото 3 (1) и 4 (2). Фотографии 1940 г.

тов на снимке говорит об их возможном смещении при расчистке.

Наличие узнаваемых предметов и положение черепа лицевым отделом вверх у верхнего скелета позволяет соотнести его с правым костяком на ранее опубликованном рисунке [Чернышев, 1953, рис. 10].

С восточного ракурса (фото 4) отчетливо видно, что верхний костяк смещен к юго-западу относительно нижнего – его череп лежит на уровне груди нижнего костяка. Левая рука нижнего костяка согнута в локте, что характерно при положении кистей на таз, но сама кисть скрыта под верхним костяком. Череп нижнего костяка повернут набок, в восточную сторону.

Фото 5 (рис. 3, 2) – это фронтальное изображение с юго-запада, сверху, верхней части (от головы до таза) парного захоронения IV до снятия верхнего костяка. Такой ракурс очень хорошо показывает почти полное перекрывание верхним костяком нижнего, со смещением к юго-западу по продольной оси. По-

Рис. 3. Раскопки Кузнецкого неолитического могильника. Фотографии и графический план 1940 г.

1 – рисунок погр. IV (по: [Чернышев, 1953, рис. 10]); 2 – фото 5; 3 – фото 6.

ложение мелких костей и артефактов на фотографии, по всей видимости, не *in situ*. Нашивки из зубов животных идут вдоль левой части верхнего костяка. Ракурс этого снимка позволяет прямое сравнение с графическим планом парного погребения IV (рис. 3, 1).

Фото 6 (рис. 3, 3) – сделанное с востока изображение нижнего костяка (от головы до середины бедренных костей) из парного захоронения IV. Принадлежность скелета к парному захоронению (без нумерации) подтверждена и в работе Н. С. Розова, опубликовавшего снимок в обрезанном виде [1956, фото 3].

Череп, позвоночник, ребра, правая плечевая кость, кости таза и бедренные кости лежат в анатомическом порядке. Правая рука из-за ракурса съемки не видна.

Лучевая и локтевая кости левой руки механически сдвинуты по сравнению с другими снимками объекта. Кисти отсутствуют.

Из археологических предметов узнаваемы каменная пластина, лежащая на поясе справа, и листовидный наконечник стрелы, расположенный между бедренных костей.

Помимо прочего, на снимке к западу от костяка запечатлены брошенные на землю инструменты для расчистки (малая кисточка и нож с широким лезвием).

Обсуждение

Полученные фотографии существенно дополняют имеющиеся отрывочные сведения по методике раскопок 1940 г. Нет никаких признаков размеченного раскопа и стратиграфических профилей. По всей видимости, разбор грунта не сопровождался горизонтальными зачистками на уровне обнаружения костяков, необходимыми для выявления погребальных ям – об этом свидетельствует расположение скелетов на земляных подиумах. Разбор напластований производился лопатами – это видно по характерным отпечаткам на подиуме под погребением V (см. рис. 1, 1). Непосредственно костяки расчищались при помощи ножей и кистей. При раскопках действовал принцип оставления скелетов *in situ* (в т.ч. мелких костей), но археологические предметы явно снимались на время зачистки костяка, с последующим возвращением на место.

Уже отмеченное Н. А. Чернышевым отсутствие записей, планов и чертежей отчасти компенсировалось фотофиксацией. Однако способ проведенного фотографирования не отвечал требованиям научной методики – отсутствует метрический масштаб, принцип выбора ракурса кажется случайным*, зачастую фотографировалась только часть объекта, нет фото отдельных деталей.

Несмотря на методическое несовершенство съемки, имеющиеся фотографии удостоверяют размеще-

* Вполне вероятно, что фотоснимков изначально было больше, и они включали общие планы погребений, сфотографированные сверху, и пригодные для последующей прорисовки.

ние погребаемых тел на спине, вытянуто, со стягиванием ног в голених и положением кистей на область таза, с сохранением анатомического порядка. Подтверждается расположение могил в ряд, на одной глубине, с одинаковой ориентацией костяков (головой на северо-восток согласно отчету Н. А. Чернышева [1940] и рукописи А. П. Дубка 1953 г.).

Полученные с разных ракурсов и на разных стадиях расчистки снимки погребения IV показывают ошибочность приведенного в публикации рисунка (ср. рис. 3, 1, 2). На рисунке костяки изображены лежащими рядом, в действительности они образовывали два яруса, залегающие одно над другим. На рисунке для левого (нижнего) костяка показано смещение вверх вдоль туловища длинных костей левой ноги, на фотографиях видно сохранение анатомического порядка (см. рис. 1, 1; 3, 3). На рисунке отмечены нашивки из зубов животных вдоль левого (нижнего) скелета, на деле же они фотографически четко фиксируются идущими вдоль левого бока верхнего костяка (рис. 3, 1, 2). Напротив, видимые на фотографии (рис. 3, 3) каменные пластина и наконечник в тазовой области нижнего костяка на рисунке никак не отображены.

Выявленная ярусность ингумаций в погребении IV и наличие земляной прослойки между костяками требует корректной интерпретации.

В качестве первой версии можно предположить, что оба костяка размещены в могильной яме одновременно, но с преднамеренной присыпкой нижележащих останков землей. Более вероятной представляется вторая версия о том, что верхний костяк подхоронен позднее, с повторной выкопкой ямы поверх уже существующей могилы.

Смещение верхнего костяка к юго-западу по продольной оси могло быть следствием небольшой ошибки при определении точного места первоначальной могилы. По всей видимости, яма под второе погребение сначала копалась до уровня нижнего костяка в области головы (это объясняет частичное смыкание головных отделов обоих костяков), с минимальным риском потревожить мелкие кости и предметы сопроводительного инвентаря в первоначальном захоронении. Земляная прослойка могла быть оставлена целенаправленно, для сохранения целостности первой могилы.

Сравнительный анализ показывает, на юге Сибири подобная практика известна от Барабы [Бобров, Марочкин, 2023; Молодин, Мыльникова, Нестерова, 2016; Молодин и др., 2020] до Циркумбайкалья [Базалийский, 2012, с. 66]. Эти аналогии дают методические критерии для обоснования многоэтапности захоронения (прослой грунта между ингумациями, планиграфия костяков и пр.). По сумме накопленных наблюдений, в неолите Верхнего Приобья ярусность погребений встречается крайне редко*.

Сравнение выявленных кузнецких материалов в первую очередь с территориально сопредельными барабинскими ярусными усыпальницами артынской поздненеолитической культуры (Протока, Венгерово-2А, Автодром-1, Усть-Тартас-2) целесообразно для выхода на социокультурный уровень интерпретации, но с учетом региональной специфики.

Для позднего неолита равнинной и обводненной Барабы есть основания предполагать наличие относительно многолюдных сообществ рыболовов и охотников на водоплавающую дичь, с практикой совместного проживания в крупных стационарных поселках, при социальной локализации небольших объединений (семей?) в рамках родоплеменной структуры общества. Такая локализация отражалась в отказе от больших общих могильников в пользу локальных, заполняемых в несколько этапов, подкурганских склепов [Бобров, Марочкин, 2023, с. 61].

Ландшафтная специфика раннего голоцена на территории лесостепного Приобья, и особенно Кузнецкой котловины, делала предпочтительным существование небольших по численности высокоподвижных коллективов, со стояночным типом поселений и небольшими родовыми кладбищами [Марочкин, 2025, с. 359–360]. Последние представляли грунтовые могильники с количественным преобладанием одиночных могил, организованных по рядному принципу.

Однако, во всех территориальных группах неолитических могильников Верхнего Приобья, присутствует небольшая, но устойчивая доля парных захоронений (обзор см.: [Марочкин, 2014]). Контекстуальный анализ и интерпретация этого феномена должны стать предметом самостоятельного исследования. Пока ограничимся отдельными соображениями.

Планиграфия неолитических могильников Верхнего Приобья подразумевает бытование каких-то наземных обозначений места грунтовых могил – как условие пространственной организации (рядность, интервалы между могилами). Возможно, такую роль играли воткнутые прутья по периметру ямы, остатки которых обнаружены в погр. 13 могильника Чумыш-Перекал [Фрибус, Грушин, 2017, с. 188]. При необходимости это создавало принципиальную возможность целенаправленного подхоронения еще одного/нескольких индивидов в определенную могилу.

По аналогии с погр. IV Кузнецкого могильника предположим, что в неолите Верхнего Приобья многоэтапность характерна и для некоторых «обычных» парных захоронений, с расположением костяков рядом друг с другом, на одном горизонте.

Выявленное сходство захоронения IV Кузнецкого могильника с материалами поздненеолитических могильников Барабы или с неолитическими некрополями Прибайкалья по критерию «ярусности», очевидно,

* Кроме парного захоронения IV Кузнецкого могильника такое определение предложено для частично перекры-

вающих друг друга могил 6-8 памятника Чумыш-Перекал, но без анализа контекста [Фрибус, Грушин, 2017, с. 188]

не является признаком прямого этнокультурного взаимодействия. Скорее эта аналогия лишь более выпукло (по сравнению с «обычными» парными могилами) отражает конвергентное сходство социальных норм, когда преднамеренное совместное захоронение двух/нескольких людей (даже при длительном интервале между моментами их перехода в посмертное состояние) выступает обрядовым отражением особенной прижизненной связи, выделяющих их среди остальных членов коллектива (близкое родство, брачные отношения и т.д.).

Заключение

В источниковедческом плане проведенное исследование закрывает некоторые лакуны в комплексной характеристике Кузнецкого неолитического могильника. Несмотря на несоответствие проведенной в 1940 г. фотофиксации современным методическим стандартам (отсутствие масштаба, фрагментарность и произвольность ракурсов), фотографии раскопок А. П. Дубка отчасти компенсируют пробелы текстовых отчетов и позволяют провести критический анализ ранее опубликованных материалов.

Определена специфика погребальных ингумаций на памятнике: вытянуто на спине, кисти на тазу, ноги «стянуты» в голени, при сохранении анатомического порядка, с расположением могил в ряд, на одной глубине, с единой ориентировкой (головой на северо-восток).

Выявлена существенная ошибка в приведенном Н. А. Чернышевым графическом плане погребения IV: костяки залежали не рядом, а ярусно (друг над другом), с земляной прослойкой между ними. Наиболее вероятная интерпретация – поэтапное формирование комплекса, с поздним захоронением еще одного индивида поверх первоначальной могилы, но с целенаправленным сохранением ее целостности.

Ярусность расположения костяков в погр. IV Кузнецкого могильника – редкий пример для неолита Верхнего Приобья. Однако это может быть частным проявлением типичной практики парных захоронений, подчеркивающим возможную многоэтапность формирования подобных объектов.

В свете приведенных аналогий (в первую очередь барабинских) преднамеренное помещение в единое погребальное пространство двух/нескольких индивидов можно трактовать как обрядовое выражение социальной организации неолитических сообществ юга Западной Сибири – выделения малых групп в рамках родового коллектива.

Финансирование

Работа выполнена в рамках государственного задания ФИЦ УУХ СО РАН по теме: «Динамика культурно-исторических процессов в Сибири и сопредельных рай-

онах Центральной Азии от древности до Нового времени: тенденции и локальная специфика», № гос. регистрации 126030318256-9.

Список литературы

Базалийский В. И. Погребальные комплексы эпохи позднего мезолита – неолита Байкальской Сибири: традиции погребений, абсолютный возраст // Изв. лаборатории древних технологий. – 2012. – № 1 (9). – С. 43–101.

Бобров В. В., Марочкин А. Г. Погребальное сооружение поздненеолитического могильника Автодром-1 в северо-западной Барабе: археологическая специфика и проблемы интерпретации // Уральский ист. вестн. – 2023. – № 1 (78). – С. 55–64.

Кунгурова Н. Ю. Могильник Солонцы-5. Культура погребенных неолита Алтая. – Барнаул: БЮИ МВД России, 2005. – 128 с.

Марочкин А. Г. Погребальная практика населения Верхнего Приобья в периоды неолита и энеолита: история изучения, структурный анализ и типология, проблемы культурно-хронологической интерпретации: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 2014. – 33 с.

Марочкин А. Г. О форме и структуре неолитических социумов Кузнецкой котловины // Тр. VII (XXIII) Всерос. археол. съезда: Мат-лы съезда. В 3-х т. Красноярск: СФУ, 2025. – Т. 1. – С. 359–362.

Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Кобелева Л. С., Хансен С., Селин Д. В., Нестерова М. С., Кудинова М. А., Райнхольд С., Швецова Е. С., Бобин Д. Н. Поздненеолитический погребальный комплекс на памятнике Усть-Тартас-2 (Венгеровский район Новосибирской области) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. – Т. XXVI. – С. 172–180.

Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Нестерова М. С. Погребальные комплексы эпохи неолита Венгерово-2А (юг Западно-Сибирской равнины): результаты мультидисциплинарных исследований // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2016. – Т. 44. № 2. – С. 30–46.

Розов Н. С. Антропологические материалы из неолитического Кузнецкого могильника // Тр. Том. гос. ун-та. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1956. – Т. 133. – С. 193–203.

Фрибус А. В., Грушин С. П. Неолитический комплекс могильника Чумыш-Пережат // Тр. V (XXI) Всерос. археол. съезда в Барнауле – Белокурихе. Сб. науч. ст.: в 3 т. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2017. – Т. 1. – С. 188–192.

Чернышев Н. А. Отчет о работах по обследованию памятников по течению р. Томи от Сталинска до г. Томска и долины р. Чулыма в 1940 г. // Научный архив ИИМК РАН. РО. – Ф. 35. Оп. 1. 1940 г. – Д. 178. – 43 л.

Чернышев Н. А. Кузнецкий неолитический могильник // Материалы и исследования по археологии СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – Т. 39. – С. 336–346.

References

Bazaliisky V. I. Burial complexes of late Mesolithic – Neolithic of Baikalian Siberia: burial traditions, absolute age. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii*, 2012. No. 1 (9). P. 43–101. (In Russ.).

Bobrov V. V., Marochkin A. G. Burial construction of the late Neolithic cemetery Avtodrom-1 in north-western Baraba: archaeological specifics and issues of interpretation. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 2023. No. 1 (78). P. 55–64. (In Russ.). doi:10.30759/1728-9718-2023-1(78)-55-64

Chernyshev N. A. Otchet o rabotakh po obsledovaniyu pamyatnikov po techeniyu r. Tomi ot Stalinska do g. Tomska i doliny r. Chulyma v 1940 g. Nauchnyi arkhiv IIMK RAN. RO. F. 35. Inv. 1. 1940 r. D. 178. 43 fol. (In Russ.).

Chernyshev N. A. Kuznetskii neoliticheskii mogil'nik. In *Materialy i issledovaniya po arkheologii USSR*. Moscow; Leningrad: AS USSR Publ., 1953. Vol. 39. P. 336–346. (In Russ.).

Fribus A. V., Grushin S. P. Neoliticheskii kompleks mogil'nika Chumysh-Perekat. In *Trudy V (XXI) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Barnaule – Belokurikhe*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2017. Vol. 1. P. 188–192. (In Russ.).

Kungurova N. Y. Mogil'nik Solontsy-5. Kul'tura pogrebennykh neolita Altaya. Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Press, 2005. 128 p. (In Russ.).

Marochkin A. G. Pogrebal'naya praktika naseleniya Verkhnego Priob'ya v periody neolita i eneolita (istoriya izucheniya, strukturnyi analiz i tipologiya, problem kul'turno-khronologicheskoi interpretatsii): cand. sc. (history) dissertation abstract. Kemerovo, 2014. 33 p. (In Russ.).

Marochkin A. G. O forme i strukture neoliticheskikh sotsiumov Kuznetskoi kotloviny. In *Trudy VII (XXIII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda: Materialy s"ezda*. Krasnoyarsk: Siberian Federal Univ. Press, 2025. Vol. 1. P. 359–362. (In Russ.).

Molodin V. I., Mylnikova L. N., Kobeleva L. S., Hansen S., Selin D. V., Nesterova M. S., Kudinova M. A., Reinhold S., Shvetsova E. S., Bobin D. N. Late Neolithic Burial Complex at the Ust-Tartas-2 Site (Vengerovsky District, Novosibirsk Region). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020. Vol. XXVI. P. 172–180. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2020.26.172-180

Molodin V. I., Mylnikova L. N., Nesterova M. S. The Vengerovo-2a Neolithic cemetery, southwestern Siberia: results of a multidisciplinary study. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2016. Vol. 44, No. 2. P. 30–46. doi:10.17746/1563-0102.2016.44.2.030-046

Rozov N. S. Antropologicheskie materialy iz neoliticheskogo Kuznetskogo mogil'nika. In *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Tomsk: Tomsk University Press, 1956. Vol. 133. P. 193–203. (In Russ.).

Марочкин А. Г. <https://orcid.org/0000-0002-6757-0775>

Дата сдачи рукописи: 29.05.2026 г.